

семантики паремий играет заметную роль в репрезентации фрейма «Судьба». Сложные интегративные процессы, протекающие между отдельными слотами фреймов «Судьба», «Жизнь», «Счастье/несчастье» и т. д., приводят к использованию в текстах паремий большого числа взаимоопределяемых лексических маркеров (*судьба – это счастье и несчастье, везение и невезение; счастье – это везение; счастье – это удача; судьба – это удача/неудача* и т. д.). При этом необходимо учитывать, что влияние когнитивно-денотативной ситуации на модель паремии, конечно же, не может определяться только как следствие лексической маркировки. Это влияние наблюдается сразу в нескольких направлениях: в аспекте прагматического выражения смысла паремии; в плане реализации обобщенного значения паремии, оказывающего существенное влияние на парадигматическую группировку паремий, репрезентирующих сходные фреймовые модели и т. д.

Фрейм «Судьба» относится к числу когнитивных единиц, лежащих в основании картины мира и взаимодействующих (как непосредственно, так и опосредованно, через соответствующие интегративные связи) практически со всеми важнейшими ее фрагментами. Несомненно, что, что структура данного фрейма слишком сложна, чтобы пытаться раскрыть ее в процессе анализа только одного типа вербализаторов. Тем не менее, анализ паремий в этом смысле весьма показателен именно для иллюстрации интегра-

тивных процессов, предметное рассмотрение которых способствует расширению подхода к изучению феномена семантики народных афоризмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М., 2008. – 271 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте постмодернизма. – Белгород, 2008. – 152 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 1984.
4. Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова. – М., 1986.
5. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки / М.А. Рыбникова. – М., 1961.

N. Semenenko

THE COGNITIVE INTEGRATION IN THE VERBALIZED SPACE OF A FRAME (ON THE RUSSIAN PAREMIES)

Abstract: The frame «Fate» is characterize with the complex structure. The peculiarities of verbalization of the given frame with the help of the paremies depend mostly on stable integrative connection, with origins in realization of cognitive-pragmatic situation «Fate – live – fortune/misfortune», «Fate – hope – salvation» etc. The pragmatic function of most proverbs that verbalize this frame is the function of upbringing the tolerance as a specific attitude to the happening events.

Key words: cognitive, frame, verbalization, paremy.

УДК 81'37

Хачмафова З.Р., Макерова С.Р.

КОГНИТИВНЫЕ СИСТЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА*

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением когнитивных систем языковой личности в процессе интерпретации художественного текста.

В настоящее время в центре внимания когнитивной лингвистики оказываются такие важные вопросы, как интерпретационные свойства художественного текста, их роль в построении картины мира, культурно-специфические и эстетические факторы,

влияющие как на создание, так и восприятие текста. Когнитивный компонент содержания текста отражает фрагмент действительности в его преломлении в сознании субъектов, соотношенный с конкретной социокультурной средой и замыслом автора. Когнитивная система индивида позволяет воспринимать информацию, неявно выраженную в художественном тексте, которую необходимо выявить в процессе интерпретации.

Ключевые слова: языковая личность, когнитивная система, когнитивный стиль,

* © Хачмафова З.Р., Макерова С.Р.

концепт, фрейм, когнитивная модель интерпретации текста.

Проблема создания и понимания художественного текста напрямую связаны с языковой личностью индивида – либо автора, создающего текст, либо читателя, воспринимающего этот текст. Ученые пришли к выводу о том, что когнитивные системы индивида особенно ярко проявляются в интерпретации текста [12; 14]. В целом развитие когнитивной лингвистики способствовало углублению теоретических представлений о скрытых механизмах языковой коммуникации, об общих закономерностях интеллектуальной деятельности человека. Согласно Е.С. Кубряковой, вопрос заключается в том, что можно конкретно извлечь из языкового материала и как далеко могут зайти процессы абстракции в ходе его описания. Путь от поверхностных структур – к глубинным, от явлений – к сущности проходит каждый говорящий в актах восприятия и понимания речи [8, 42].

В настоящее время в когнитологии более активно рассматривается акт интерпретации, который проявляется и в виде комплексного анализа воспринимаемого произведения, и в уяснении механизмов его организации. Как известно, когнитивный компонент содержания текста отражает фрагмент действительности в его преломлении в сознании субъектов, соотносенный с конкретной социокультурной средой и замыслом автора. Он представляет собой конфигурации концептов (образы, представления, понятия) или их объединений (картины, схемы, фреймы), состоящих из объектов знания в разных познавательных связях-ролях.

Согласно Н. Хомскому, индивид, владеющий естественным языком, обладает сложной системой знаний, иначе – когнитивной системой, которая дает конкретное и точное видение многих фактов [14, 161]. Эта система знаний позволяет воспринимать любую информацию, в том числе и неявно выраженную в художественном тексте, которую просто необходимо выявить в процессе интерпретации. Когниция – это «познавательный процесс или же совокупность ментальных, мыслительных процессов восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи, служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку либо извне по разным чувственно-перцептуальным каналам, либо уже интериоризированной и реинтерпретируемой человеком» [7, 81].

Таким образом, когницию составляют процессы познания, мышления, речи, перцептивного восприятия, протекающие как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровне. В.З. Демьянкова определяет когницию как «формируемую и миропреобразующую» силу [3, 25]. Н.Н. Болдырев выделяет когницию как обыденное познание, связанное со спецификой восприятия, накопленным опытом и знаниями [1, 19].

В целом же когнитивная система определяется как результат взаимодействия, как «компонент сознания разума человека и его общей человеческой когниции, обладающий собственными механизмами и сферами действия, характеризуемый как результат взаимодействия определенного набора модулей» [7, 74]. Признаками когнитивной системы являются: выразительность [вербализуемость средствами языка), эффективность при решении практических задач, аллегоричность, усваиваемость и адаптируемость [Bentham, – цит. по: 7, 74-75].

Когнитивная система представляет собой «совокупность конструктивных операций образного представления и операции категоризации и схематизации, стратегий и программ, осуществляемых с целью эффективного решения проблем, связанных с восприятием окружающей действительности, воздействием на нее, общением и речевым поведением, планированием действий в зависимости от конечной цели, открытием и приобретением новых знаний... Когнитивная система предполагает наличие опоры – центра, в котором осуществляется умственная деятельность, управляемая разумом» [15, 12].

Когнитивная система проявляется в понятии когнитивного стиля, который свойствен каждому человеку. В широком смысле «когнитивный стиль» определяется как предпочитаемый подход к решению проблем, характеризующий поведение языковой личности относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей, но вне зависимости от его интеллектуального уровня, т. е. для выделения стиля важно не достижение цели, а то, каким образом она достигается [3, 27].

Определение понятия «когнитивный стиль» фиксирует роль личностных факторов, способность индивида организовать когнитивные структуры, определить активность субъекта в познавательных процессах, по своему посмотреть на текст, интерпретируя его в соответствии с выработанным стилем.

Необходимо подчеркнуть, что в процессе раскрытия заложенной в тексте информа-

ции человек оперирует не только языковыми данными, а в свою речевую деятельность он привносит еще и мнения, верования, свои личностные характеристики. В.В. Красных называет такие структуры феноменологическими, так как они формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической природы, т. е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях литературы [6, 42]. Речь здесь идет о том, что общение и понимание невозможны, если коммуниканты не владеют общими когнитивными структурами (общим фондом знаний), поскольку, чем больше «коллективных» когнитивных структур, тем глубже и адекватнее происходит понимание.

А. Вежбицкая полагает, что «возможность успешной коммуникации между различными культурами напрямую зависит от универсальности базового множества семантических примитивов, из которых каждый язык может создавать практически бесконечное число более или менее «идеосинкретичных (специфичных для данной культуры) понятий... а специфичные для языков конфигурации этих примитивов отражают разнообразие культур» [2, 5-6].

В современной лингвистике исследователями выделяется несколько типов когнитивных структур с точки зрения прецедентности феноменов:

1) социумно-прецедентные феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального);

2) национально-прецедентные феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-культурного сообщества;

3) универсально-прецедентные феномены, известные любому «*homo sapiens*» и входящие в «универсальную» когнитивную структуру [6, 50-51].

Все перечисленные феномены способствуют выявлению типологии когнитивных структур, в результате реализации которых имеет место полноценное общение. Так как когнитивные структуры, интерпретирующие воспринимаемые высказывания и инициирующие продуцируемые высказывания, вырабатываются постепенно, они характеризуют «глубинную» когнитивную систему, которая присуща одновременно и неязыковому (перцептивному), и языковому каналам обработки информации [3, 30].

Интерпретация текста с позиций когнитивной лингвистики предполагает рассмотрение формально представленной стороны языка и его содержательной стороны под углом изучения познавательных потребностей коммуникантов. На первый план здесь выходит систематизация знаний о мире, которая предусматривает его концептуализацию.

Как известно, одним из важнейших результатов когнитологии является разработка идеи о взаимосвязи процессов, происходящих в человеческой памяти, с построением и пониманием языковых сообщений, о выявлении ключевых слов и концептов культуры.

Н.Н. Болдырев определяет концепт как «единицу или квант структурированного знания» [1, 561]. При этом концепт может быть как отдельным смыслом, так и целой концептуальной структурой, включающей другие концепты, которые могут подразделяться на несколько типов; конкретно-чувственный образ, представление, схему, понятие, прототип, пропозициональную структуру, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт и т. д. Объясняя каждый из типов концепта, исследователь определяет конкретно-чувственный образ как образ конкретного предмета или явления в нашем сознании.

Более высокими по абстрактности концептами являются представления как обобщенные чувственные образы разных предметов и явлений. На следующей ступеньке находится схема или мыслительный образец предмета или явления, затем понятие-концепт, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики. Более абстрактным является понятие прототипа, который выступает категориальным концептом, дающим представление о типичном члене определенной категории. Пропозиция – это модель определенной области нашего опыта, в которой вычлняются аргументы и базовый предикат, связывающий эти аргументы. По Н.Н. Болдыреву, фрейм – это объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации. Сценарий, или скрипт, – динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определенная последовательность этапов, эпизодов. Гештальт – это концептуальная структура, целостный образ, который может рассматриваться как начальная ступень познания [1, 36-38].

Целесообразно остановиться на понятиях схемы, фрейма и скрипта. Схемы дейст-

вуют в виде фильтров, которые пропускают информацию, способную вписаться в любую ситуацию. При этом фильтруется, кодируется и поступает в память, а затем легко извлекается из нее информация, «типичная» для данного человека. Психолингвистическая идея Ф. Барлетта о том, что понимание в целом определяется нахождением в памяти схемы, пригодной для восприятия поступающей информации, получила дальнейшее развитие в теории фреймов М. Минского [11], который считает, что фрейм – это структура данных для представления стереотипной ситуации, иначе говоря, это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации.

Согласно М. Мамардашвили [10, 79-80], можно, обобщив полученные данные, выявить тот или иной тип фреймов, способствующих лучшему пониманию неявно выраженной информации, и также осознать возможность прогнозирования ситуации (восстановление всего фрейма) по одному из базовых компонентов. Понимая фрейм как концептуальное образование, которое включает в себя необходимую типическую информацию о явлении, имеющую конвенциональную структуру и рассматриваемую как культурно обусловленную в данном языковом коллективе, мы считаем, что с каждым фреймом ассоциируется информация разных видов, в том числе и культурологического типа.

Итак, всякое общение предполагает, что его участники предпринимают попытку передать свое видение мира путем проявления своего личного фрейма. Чем больше точек соприкосновения у коммуникантов, тем менее существенными оказываются различия в их фреймовых системах, тогда как у представителей разных культур эти различия проявляются более явно, что выражается в кросскультурной и кроссиндивидуальной универсальности.

Единицы культуры находят отражение в текстах благодаря специфическим структурам мышления, в эксплицитной форме находящим проявление в виде особой организации высказывания, кроме этого в имплицитном плане они могут быть реализованы благодаря активации фрейма. Активация обычно начинается первую ступень обработки значений, при этом важным является то, что вносятся коррективы в представление памяти в виде вербальных единиц (логогенов) и невербальных репрезентаций (имагенов) [8, 11]. В случае активации фреймов каждый терминал связывается с видовым направлением неко-

торого активного видового перечня, который должен совпадать у читателя с авторским видением проблемы и в результате их наложения может состояться полноценная интерпретация текста.

Следует отметить, что базовым комплексом для создания когнитивной модели интерпретации должна служить информационно-смысловая структура текста, в которой можно рассмотреть распределение и перераспределение когнитивной нагрузки. Очень часто восприятие имплицитной информации происходит за счет перераспределения когнитивной нагрузки в сценах соответствующих фреймов и мотивируется избирательностью языка к признакам внеязыковой действительности. Можно выделить типичные смысловые трансформации, свойственные этому виду, это – описательные, уточняющие, аргументирующие трансформации. Когнитивную модель мы будем рассматривать как результат естественной обработки языковых данных. Когнитивный контекст является моделью культурно-обусловленного, канонизированного знания, которое является общим хотя бы для части говорящего сообщества.

Структуры знаний, называемые фреймами, т. е. пакеты информации, которые хранятся в памяти, выполняют значимую роль в функционировании языка. Они помогают устанавливать связность текста, смысловое развертывание речи, восполнять недостающие семантические лакуны, т. е. адекватно воспринимать латентную информацию. В отличие от ассоциативных связей, внутрифреймовые связи передают существенное, типичное для данного понятия, а также содержат данные, необходимые для восстановления какой-то скрытой характеристики рассматриваемой понятийной структуры [11, 198]. Взаимосвязанные фреймы (имеющие общие терминалы) образуют фреймовые системы со свойственными им межфреймовыми отношениями, «существующие в памяти как результат того, что разные фреймы включают один и тот же языковой материал», а их метаусловия сходны, «определяются одним и тем же репертуаром сущностей, отношений или субстанций...» [Fillmore — цит. по: 7, 187].

По мнению И.И. Халеевой, фреймовые данные в структуре когнитивного сознания представляют собой «относительно обобщенную структуру прошлого опыта, с помощью которой сознание прогнозирует изменение состояния объектов внешнего мира, развитие и содержание событий, их взаимосвязь» [13, 284].

Как единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и «содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия», фрейм «обладает более или менее конвенциональной природой и потому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично» [7, 188]. В связи с этим следует подчеркнуть, что выделяются два вида фреймов: ситуационные и классификационные. Ситуационные фреймы отражают знания мира неязыкового, событийного характера, в отличие от них классификационные фреймы могут передавать концептуальную информацию, непосредственно связанную с классифицирующей функцией нашего сознания, которое находит свое отражение в языке. Основным свойством данного фрейма является то, что он представляет собой определенную структуру языкового знания, модель познания.

Когнитивная наука как наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы сознанию и составляют основу ментальных и когнитивных процессов, позволяет по-новому интерпретировать и художественные тексты. В центре внимания когнитивной лингвистики оказываются такие важные вопросы, как интерпретационные свойства художественного текста, их роль в построении картины мира, культурноспецифические и эстетические факторы, влияющие как на создание, так и восприятие текста.

Важно также отметить, что при рассмотрении когнитивизма как стиля наблюдений над явлениями ментальной природы человека, возникает очень существенный вопрос о восприятии, языковой деятельности, представлениях, которые формируются в рамках интерпретации.

Однако художественное произведение редко содержит эксплицитно выраженное эстетическое кредо автора, именно это является основой неоднозначности восприятия и интерпретации текста художественного произведения. Процесс взаимодействия читателя со средой, с текстом, направленный на совершенствование его умственных, интеллектуальных способностей, на построение особой картины мира требует от него определенных действий, в ходе которых сенсорные данные, накладываемые на наивную картину мира, обогащаются извлекаемой из текста информацией и преломляются каждым

интерпретатором по-своему.

В.А. Кухаренко отмечает, что «признавая правомерность и возможность ряда интерпретаций одного произведения, не следует впадать в крайность и делать вывод о полном произволе интерпретатора» [9, 8], так как текст есть речевое произведение, построенное по законам данного языка. И здесь речь идет о том, будет ли вырисовываться некий силуэт, в котором изучается опыт читателя в опоре на систему понятий, или этого не произойдет. При этом мотивирующий контекст как корпус пониманий позволяет проинтерпретировать текст и выявить все структуры узлов и отношений.

Таким образом, для того чтобы получить объемное, максимально приближенное изображение того или иного предмета, явления действительности, изображенного в тексте, необходимо не только детально изучить его внутреннее устройство и отдельные компоненты, но и представить их в движении, в действии, в естественных функциональных связях с окружающим миром. Именно это и позволяют сделать методы когнитивной лингвистики при изучении явлений человеческого языка. Когда язык рассматривается и в статике, и в динамике, в связи с многочисленными факторами, находящимися за пределами языковой действительности и влияющими как на создание и производство речевых единиц, так и на их функционирование и восприятие, расширяется акт интерпретации.

По мнению В.З. Демьянкова, в каждом элементарном акте речи и когниции есть элементы статики и динамики. Абсолютизация статики имеет место в том случае, когда индивид пытается интерпретировать старые тексты в опоре на логику сегодняшнего дня, что исключает реконструирующую интерпретацию, абсолютизация же динамики граничит с некритичным восприятием, с внушением чужих мыслей, без поправок на сиюминутность и неповторимость момента восприятия, и это ведет к обезличенности интерпретатора. Нормальное же интерпретирование должно находиться между двумя этими крайностями [3, 31].

Итак, глубокое и многогранное вхождение в интерпретацию текста возможно при использовании комплексного анализа произведения, который позволяет выявить соотношение между языковыми и текстовыми знаниями, изменяющимися в процессе становления человека. В процессе интерпретации текста у языковой личности происхо-

дит не только перераспределение языковых и текстовых знаний, но и взаимовлияние когнитивных структур, активизация которых позволяет тоньше и глубже проинтерпретировать текст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Болдырев Н.И. Когнитивная семантика. – Тамбов, 2000.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – № 4. – 1994. – С. 17-33.
4. Долинин К.А. Интерпретация текста. – М., 1985.
5. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2000.
6. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М., 2002.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1996.
8. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – № 4. – 1994.
9. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М. 1988.
10. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. – М., 1997.
11. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М., 1979.
12. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. – М., 1995.
13. Халеева И.М. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. –

С. 277-285.

14. Хомский Н. Язык и проблемы знания // Вестник Московского университета. Сер.: Филология. – № 4. – 1996. – С. 131-157.
15. Decles J.-P. Langage, cognition et textes. – P., 1996.

Z. Khachmafova, S. Makerova

COGNITIVE SYSTEMS OF A LINGUISTIC PERSONALITY IN THE PROCESS OF INTERPRETING THE TEXT

Abstract: This article is devoted to the problem of the study of cognitive systems of a linguistic personality in the process of interpreting the text.

Nowadays, such important questions as the interpretative characteristics of a work of fiction, their role in the process of mapping as well as specific cultural and aesthetic factors, that influence both the creation of a literary work and its interpretation, are in the focus of cognitive studies. The cognitive component of the context reflects a particular fragment of extralinguistic reality interpreted by the reader, related to some concrete sociolinguistic and cultural background and the message of the author as such. The reader's cognitive system enables him to get the message hidden within the context of a literary work which is to be appreciated while being interpreted.

Key-words: Linguistic personality, cognitive system, cognitive style, concept, frame cognitive model of textual interpretation.